

Гость «ВК»

Бэлза Светослав

28.04.94

Со Светославом Игоревичем мы познакомились и подружились в редакции той «Недели» начала шестидесятых, за которой к киоску на Пушкинской площади выстраивались многотысячные очереди. Очень мало встретилось мне в жизни таких людей, как Свет Бэлза: обязательных, обаятельных, остроумных, энциклопедически эрудированных, наделенных столькими дарованиями и верных юношеской дружбе.

Светослав
БЭЛЗА:

рила, — много вас тут, Бэлз, развелось.
— Тогда почему они гнали тебя в музыкальную школу?
— Помнишь, еще Ильф и Петров предупреждали: дети, будьте осторожны в выборе родителей!
— Но как ты, старший научный сотрудник Института мировой литературы с научной степенью, ученый секретарь отдела зарубежных литератур, написавший предисловия к Шекспиру, Бальзаку, Оскару Уайльду, Эдгару По да и немало собственных книг, вдруг отдался телевидению?
— Так вышло. По служебным надобностям много ездил за рубеж, и меня порой приглашал в «Клуб путешественников» Юрий Сенкевич. Участвовал я и в программе «Круг чтения», и в передачах «Добрый вечер, Москва!». Ну и, наверное, заметили меня в музыкальной редакции. Не сразу отважился на эфир, хотя кое-что о музыке знал. Отец напомнил мне слова Блока: «Будучи братьями литературы, мы вместе с тем должны быть братьями других искусств». И строки Пушкина: «Одной любви музыка уступает!».
— И все же не могу понять. Как ни позволю тебе домой, слышу: «Свет в отъезде, будет такого-то числа, но сразу отснимется и уедет». Когда ты успеваешь делать что-то для телевидения?
— «Не узнаю Григория Грязного!». Сам-то ты за всю свою жизнь много в Москве просидел?.. Вот я только что вернулся из «края далекого, но нашенского», Приморья: искали для ТВ юные таланты. Это же какой грандиозный поток кислорода! Все мы привыкли ныть: «Жизнь трудна, тяжела, страна на грани катастрофы...». Ты бы поглядел на приморских ребятишек: сплошь завтрашние гении! Они же музыкой живут, литературой, а не супом и вторым-третьим! Они не стекла автомашин моют за доллары, а на скрипках играют — дети судостроителей, рыбаков, охотников, лесорубов! Ну и музыкантов, конечно, и всех прочих, кто зовется интелли-

имени героини)... И в зале кто-то ржет. Этому «кто-то» надо, чтобы перед ним дрыгались безголосые, волосатые, в кожных и цепочках, производящие впечатление давно не мытых; изображали полустрасть-полубезразличие, а текст был на уровне: «Быть может, через много лет, покрывшись толстым слоем пыли, посмотришь ты на мой портрет и вспомнишь, как с тобой дружили»...
— Значит, кроме кислородной, существу-ет культурная недостаточность?
— Девальвировано высшее образование! Плодятся полу- и четвертьинтеллигенты. Псевдоинтеллигенты! У многих выпускников вузов знаний меньше, чем у выпускника дореволюционной гимназии! Но не это самое страшное. Страшно другое... Ну скажи, у тебя есть «бзик» (в хорошем смысле слова)? Тебя всерьез интересует что-то, что не принесет тебе ни материальной, ни моральной выгоды?
— Уж прости, да. Я подсчитываю, сколько человек носили звание «маршал Наполеона».
— Ни черта себел! Зачем?
— Один литератор написал сочинение, в названии которого определил, что маршалов было у Наполеона двенадцать. Я ему заметил, что, мол, их больше было. Он заспорил. С тех пор я разыскиваю этих маршалов. На сегодня их 28 у меня.
— Всел! Я с тобой дружу!
— Да ну? А я полагал — с шестидесятих годов.
— Не придирайся к словам... Понимаешь, вот такой (или другой) «бзик» человеку необходим! Мы болеем приверженностью к крайностям: либо жесточайшая идеологизация в культуре и искусстве, либо вседозволенность. Сейчас для многих главное — потрафить массе потребителей чем попало. Потому безвкусица и нарастает. А масса далеко не всегда права (хотя нас десятилетиями учили к совсем обратному). Композитор Ференц Лист говорил: «Есть музыка, которая идет к нам, а есть иная, которая требует, чтобы мы к ней шли!». Пусть другие программы показывают, что хотят и что нравится семиклассникам 1994 года; «Музыка в эфире» будет нести разумное, доброе, а главное — вечное.

"Еще Ильф и Петров предупреждали: дети, будьте осторожны в выборе родителей!"

Вет. кн. - 1994, - 28 апр. с. 7

— Поскольку ты был моим свидетелем на моем же бракосочетании, надеюсь, ты попрежнему несешь за меня морально-нравственную ответственность?
— Вынужден признать, что я несколько подзапустил твоё воспитание, обзаведясь двумя собственными сыновьями.
— И, конечно, чуть ли не розгами принудил их заняться музыкой?
— Ну да, их принудил. Старший, Игорь (в честь моего отца), инженер-электронщик. Представь, он «Трёх мушкетеров», даже с моим предисловием (!), отказался читать... Откуда только берутся такие «иваны, не помнящие родства»?
— Объяснить тебе откуда?
— Не надо, догадываюсь. К счастью, младший — Федор (назван в честь моего деда) несомненно гуманитарен. Пяти лет от роду уже снимался в кино. В телепрограмме «Новые имена» мы с ним вместе брали интервью: он — у детей, я — у педагогов. Но, скорее всего, тут не моя заслуга. Феде передалось лучшее от моего тестя народного артиста Петра Глебова (помнишь, Григорий Мещехов в герасимовском «Тихом Доне»?).
— Не комплименты ради заявляю: очень симпатизирую твоему тестю, актер интереснейший. Твоё возмущение поступком Игоря разделяю вдвойне: я не только слегка помогаю на «Трёх мушкетерах», но даже играл в драмкружке 281-й школы д'Артаньяна (а Планше — Анатолий Адамишин).
— Эх, мне бы сейчас ответить, что я тоже играл д'Артаньяна, а Планше — Андрей Козырев; но, увы, этого не было. Ты разовьешь во мне комплекс неполноценности.
— Зато ты был чемпионом МГУ по фехтованию! Кстати, что пришло раньше — «Три мушкетера» или фехтование?
— Нелепый вопрос. Читать я начал лет с пяти, а фехтовать — с двенадцати. Но чемпионом МГУ в самом деле был.
— Еще бы. При руках и ногах такой длины...

— Умоляю, не извещай человечество о прочих моих параметрах.
— «Неполноценности»... Когда среди твоих друзей, в полном смысле этого слова, — выдающийся писатель Грэм Грин. И ты запросто общаешься с Евгением Светлановым, Юрием Башметом, Ириной Архиповой, Михаилом Плетневым, Дмитрием Хворостовским...
— Видишь ли, у всей этой истории давние корни. Как тебе известно, мой папа, Игорь Федорович Бэлза, профессорствовал в Московской консерватории. У нас дома бывали очень многие музыканты и композиторы, скажем, Мясковский, Шапорин, Шибалин, да что там — сам Шостакович. И я с младенчества крутился возле них, они сажали меня на колени и изображали скачку верхом... Волей-неволей сживешься с музыкой.
— Все-таки волей или неволей?
— Неволей. Вот меня действительно чуть ли не розгами гнали в музыкальную школу. Терпеть это не могу!
— Тем не менее. Помнишь, когда-то в редакции «Недели» стояло вконец расстроенное пианино, но ты ухитрялся извлекать из него божественные звуки.
— Спешиваю «божественные» на твой, скажем так, не идеальный слух. Конечно, что-нибудь сыграть могу. У нас дома стоит рояль «Блютнер». Правда, я давненько к нему не садился. Послушал, как играют Мастера, и решил больше не делать то, что живописцы называют мазней.
— Ты окончил славянское отделение филологического факультета. Посвятил себя литературе, исследованиям. Так?
— Только не думай, что назло родителям. Они отличались энциклопедичностью. Например, отец возглавлял комиссию Данте. Писал книги, писал предисловия к произведениям зарубежных классиков. Мама, хоть и медик, тоже стала автором многих книг — вовсе не медицинских, а о великих композиторах. «Псевдонимом» себе она взяла девичью фамилию Гуминская, «а то, — гово-

генцией: врачей, ученых, артистов, учителей, библиотечкарей.
Поездишь по свету. Всякое случалось. Однажды должен был вести музыкальный телемост Москва — Варшава, а сам нахожусь аж на острове Сардиния, в Кальяри. Оттуда в Москву напрямиком не полетишь, пришлось через Рим. Взмыленный, едва успел на московский рейс. В Шереметьеве багаж получать не стал, сразу — в телевизионный «рафик».
— А как же тщательная подготовка к передачам, продумывание текстов, работа с партнерами?
— Мы, между прочим, заранее ничего не репетируем. Наметим круг вопросов, общую тему диалогов, а дальше — абсолютная импровизация. Собеседники-то речью владеют почище меня.
— По какому принципу приглашаешь собеседников?
— По принципу действительной интеллектуальной и творческой ценности. Озолоти меня халтурщик, я его в «Музыку в эфире» не пущу! — пока жив! Пока не выгнали с телевидения!
— Жанр в данном случае имеет значение?
— Ни малейшего. Да, я тяготею к классике. К симфонической музыке, ко всему, именуемому «серьезным». Но и рок, и хэви-метал вполне могут быть в нашей передаче. Вопрос лишь в одном: какого уровня, какого класса произведение и исполнение. Низкосортной продукции к нам хода нет! И нас не «возьмешь» на идеологический понт, прости мне жаргонизм. Раньше все мы столько раз слышали: «Это идейно нужная вещь», и в эфир шла всякая дребедень, лишь бы с «правильными» словами. Кстати, поэтому люди сегодня предпочитают суррогаты западного производства, дешевые подделки, американскую «липу» нашим фильмам, даже очень неплохим, Устали от вечного «ура!». Еще не много, еще чуть-чуть, и это кончится... А пока «юморист» с эстрады «шутит», мол, опера Пуччини «Тоска» (а не «Тоска», по

го-то в передачу, ориентируешься на почетное звание приглашаемого?
— Да «ни в жисть», прости жаргонизм! Звание «народного» по весу равняется нынешнему рублю! Лучано Паваротти, Клаудио Аббадо, Хулио Иглесиас — «народные артисты» своих стран? Этот «ошейник с поводком» придумали только у нас. Безусловно, я был бы счастлив, если бы в нашей программе выступил народный артист СССР Светослав Рихтер. Но был бы не меньше рад, если бы у нас же объявился истинный талант вообще без всякого звания.
— О чем ты мечтаешь как ведущий телепрограммы «Музыка в эфире»?
— Чтобы нам не урезали время. Сперва было два часа, затем полтора, теперь час. Да и то не каждую неделю. А «Музыка в эфире» — это ведь не Бэлза, это Музыка, которая, как сказал Пушкин, уступает лишь любви! Мечтаю о создании музыкального телеканала. Понимаю, что донкихотствую. Но как было бы полезно согражданам, их, так сказать, качественному улучшению рождение такого канала, подобного радиопрограмме «Орфей»: получать все лучшее из мировой музыки планеты! Надеюсь, уж ты-то понимаешь, что материально мне от этого ну ничегошеньки не нужно...
— Верно сказал: «Уж ты-то понимаешь». Не забуду, как ты, мчась в телевизионном «рафике» на запись, вдруг увидел в окне меня, велел остановиться, позвал в машину и подвез, хотя, как всегда, опаздывал.
— Не могу спокойно смотреть, как плетется, прихрамывая, футболист. А ты ведь вечно где-нибудь гонял мяч.
— Да. Жаль, что ты ничего не понимаешь в футболе.
— Берите свои слова обратно, сударь, или мы скрестим с вами шпаги!.. Я хоть и не Дарья Черваненко, но при безвыходном положении «Останкина» смогу провести передачу «Гол», или как она там называется.
— Ладно. Теперь только одному мне, а это даже опубликовать не буду. Скажи откровенно: как тебе удается отличать, не заглядывая в бумаги, мелодию, допустим, Малера от мелодии, допустим, Глюка?
— Нет, я чувствовал, что наша встреча добром не кончится!..
Гостя принимал Эдуард ЦЕРКОВЕР. Фото Виктора АХЛОМОВА.